

ОСАДА И ВЗЯТИЕ ВИЗАНТИИ ТУРКАМИ.

а три года до осады Византии, или Цареграда, греческая империя занимала три небольших клочка земли: один назывался византийским господарством, а два другие — пелопонесскими государствами. Византийским господарем был Константин, из рода Палеологов. Первое время своего царствования он не назывался даже императором; кроме города Византии, у него не было других владений. В пелопонесских господарствах — это в нынешней Греции — правили его братья: Димитрий и Фома. Вот все, что, оставалось тогда от великой Греческой Империи. Все азиатские владения и европейские страны, известные теперь под именем Сербии, Болгарии, Румелии и Македонии, завоевали турки. Их столица была в Адрианополе, верст 200 от Цареграда. Нынешняя Греция была поделена между латинскими баронами, предки которых еще во времена крестовых походов захватили Цареград; им же принадлежали многие крепостцы по берегам морей и целый новый квартал в столице, где они жили и управлялись совсем особо.

Народы единоверные грекам были отрезаны; они не могли подать им помощи в последней борьбе с турками. Наша Русь еще не посчиталась с монголами, и сама находилась в рабстве. Западные христиане так часто обманывали греков, что они перестали им верить и больше доверяли туркам, чем латинцам. Жадные и властолюбивые латинцы не хотели иначе помогать, как только в том случае, если греки признают римского папу главою церкви. Старший брат Константина, который царствовал раньше его, поступился было православною верою. Он ездил в Рим и заставил там своих архиереев подписать унию, или соединение церквей. Однако греки не захотели подчиниться папе. Когда приехал в Цареград римский кардинал и начал служить в Софийском соборе обедню, то народ, услышав имя папы, разбежался по городу с криком, что св. София поругана. «Лучше достаться туркам, чем латинцам!» — кричали на улицах. Другие говорили: «Лучше видеть посреди города турецкую чалму, чем папскую корону!». — Греки уже привыкли обращаться за помощью к туркам. Хотя это был враг суровый, делавший завоевание быстро, но, по крайней мере, оставалась надежда сохранить под ним свою веру; а господство латинцев грозило истреблением веры, языка, обычаев — всего самого дорогого человеку. Между турецкими султанами встречались правители справедливые и к христианам благосклонные. Так, бабка Константина была замужем за каким-то турецким князем; султан Мурад II-й был женат на сербской принцессе. Когда умер брат Константина, то знатные греки отправились к этому султану в Адрианополь и отдали ему на выбор: кого он хочет царем — Константина или его младшего брата Дмитрия? Мурад щедро одарил послов и выбрал Константина, не смотря на то, что был с ним во вражде. Грекам же не хотелось Дмитрия, потому что он тянул руку латинцев. — Так велика была вражда латинцев и греков, и эта вражда погубила столицу.

В феврале 1450 года умер Мурад и сделался султаном его сын Магомет II-й; он был рожден от христианской

рабыни, а сербская принцесса, ревностная христианка, приходилась ему мачехой. Магомет имел большие сведения в науках, особенно в астрономии; любил читать жизнеописания греческих и римских полководцев; превосходно говорил на пяти иностранных языках: греческом, латинском, арабском, персидском и еврейском, Принявши казну своего отца, полную золота, серебра и разных драгоценностей, новый султан приказал убить младшего брата, а потом занялся янычарами. Об учреждении этого войска рассказывают следующее: лет сто тому назад султан Орхан привел к мусульманскому «святому» мальчика и попросил его благословить новое войско. Хаджи возложил на него руки и сказал: «Да называются эти новые воины «иени-черы», новыми молодцами. Да будут всегда их лица белы, руки мощны, сабли остры, стрелы смертельны, а сами победоносны!»—Янычары набирались из христианских мальчиков. начиная с семилетнего возраста, и отдавались в обучение турецкому языку, корану, затем приучались на корабельных верфях к тяжелым работам. Только после этого они получали название янычар, поступая в ряды войска, и то сначала в услужение к старым, опытным войнам. Молчаливое, безусловное повиновение считалось выше всего; заслушание или отлучку из казарм наказывали палками, а за более важные проступки казнили смертью. Янычары называли себя братьями; кто обидел янычара, тот обидел весь корпус янычар. Они гордились тем, что называли султана отцом, а он называл их детьми. Вооружение янычар состояло из лука и сабли; некоторые носили за поясом ятаганы и топоры для рубки дров. — Завидная служба. ласки и милости султанов скоро избаловали янычар, и поселили в них своеволие, особенно с тех пор, как природные турки стали записывать в ряды этого войска своих балованных детей. Ни одна перемена султана не обходилась без бунта янычар. Так же было и при вступлении Магомета: он сменил их начальника, приказал наказать виновных палками, а прочим раздать щедрые подарки. Покончив с этим делом,

Магомет принял послов от сербов, венгров и греков, приехавших поздравить нового султана. Особенно ласково он принял греков, поклялся соблюдать вечную дружбу и уплачивать ежегодно по 13 т. рублей на наши деньги. Затем Магомет отправился в Азию воевать с Караманом, предводителем сильной татарской орды.

Во время отсутствия Магомета Константин подружился с латинцами; они-то и присоветовали ему подняться на турок, пока они воюют с Караманом. Сам император был человек прекрасной души, но только не знал, как спасти свою бедную родину. К несчастью, возле него в это время не было людей, с которыми он мог бы посоветоваться о государственных делах, а латинцы думали только о себе, о своих выгодах. Если бы не турки, они захватили бы Цареград в свои руки. Император отправил к султану послов объявить о своем венчании и требовать дани. Султан в это время гнал орду Карамана и совсем бы ее уничтожил, если бы не помешали греки. Он увидел, что в Цареграде хотят войны, и понимал, кто там управляет. — «Коли, — говорит, — не грекам владеть городом, так лучше я возьму его сам». — И так была решена война. Греческим послам Магомет не сказал ничего обидного, отпустил их домой со словами: «Я скоро буду в Адрианополе, там мы столкнемся». Он дал Караману мир и, вернувшись в Адрианополь, приказал собрать со всего государства плотников, кузнецов и землекопов, а также заготовить строительный материал: лес, камень, железо и т. п. Все это назначалось для постройки крепости недалеко от столицы, чтобы не пропускать латинских кораблей. На азиатском берегу такая крепость была построена еще дедом султана, Магометом I-м. От императора прибыло посольство с предложением дани, лишь бы оставить это дело. Магомет отказал: «Прикажу снять кожу с того, кто явится еще раз с такой просьбой». — Когда послы принесли этот ответ, граждане завопили: «О, горе нам! Вот кому суждено опустошить наш город! Он поработит нас, потопчет ногами

святыню, разрушить наши храмы!» — Но не все так думали в Цареграде: единодушия не было; многие охотнее пошли бы в неволю к туркам, чем к папистам.

Через четыре месяца была выстроена крепость; по углам башни, а в башнях—пушки. Магомет сам наблюдал за работами, и как только втащили пушки на главную башню, что к морю, он велел брать дань со всех проходящих кораблей, как христианских, так и мусульманских. Один венецианский корабль не хотел платить: в него выпалили и потопили. Греки ходили несколько раз из столицы на вылазку, но их прогоняли. Тогда император еще раз отправил послов. Он написал с ними вот что: «Так как ты желаешь более войны, чем мира, и я не могу тебя успокоить ни клятвами, ни повиновением, то пусть будет по твоему. Теперь я прибегаю к Богу. Если Он определил нашу гибель, то пусть будет так, но я буду защищать своих подданных до последней капли крови. Царствуй счастливо, пока праведный Судья не призовет нас обоих на суд!»—Магомет отвечал на это письмо объявлением войны.

Вся зима прошла в приготовлениях. Султан призывал к себе сведущих людей, чертил с ними карты, расспрашивал, каковы укрепления Цареграда, как лучше повести осаду, сколько нужно взять с собой орудий; по ночам султан передевался простым солдатом и, крадучись по улицам, прислушивался, что говорят турки про войну с греками. В феврале была отправлена под Цареград турецкая артиллерия. Под осадные орудия впрягали по 40 и 50 пар волов; особенно велика была одна пушка, отлитая иноземцем Урбаном. Длинною в 4 сажени, она весила 1.900 пудов; каменные снаряды к ней весили по 30—35 пудов. Но от стрельбы она так разгорячалась, что в сутки нельзя было сделать более семи выстрелов. Султан надеялся, что против этой пушки не устоят никакие укрепления. Кроме артиллерийских орудий, были заготовлены и другие осадные орудия, какие употреблялись еще у римлян. Одни из них назначались

для пробивания стен, другие — для метания камней или действия зажигательным составом. — В половине марта собрались ополчения из всех подвластных земель и составили силу в 170 т. человек, а вместе с собственными войсками султана набралось 258 тысяч. 2-го апреля 1453 г., в понедельник на Святой неделе, Магомет распустил свое знамя перед воротами Цареграда. Этим началась достопамятная осада царственной Византии, заправлявшей когда-то целым полу-миром.

Столица, как тогда, так и теперь, расположена в углу между Мраморным морем и Босфорским проливом*). В середину города врезается проток, под названием Золотого Рога, Если въезжать этим протоком, то налево, к стороне моря, будет старый город, а направо — предместье Галата, населенное в ту пору латинцами. Старый город был окружен стеною, до 3-х сажен толщины, и башнями, числом до 500, но, кроме того, по углам города стояли отдельные укрепления, или цитадели: Акрополь — к стороне моря; Влахерна — где был дворец императора, между стеной и Золотым Рогом, и Семибашенный замок — на другом конце стены, также к морю. Между этими двумя цитаделями находилось вдоль стены семь ворот; почти по середине — Романовские ворота, против которых возвышалась ставка падишаха, окруженная янычарами. Здесь был центр турецкой армии; тут стояла большая часть артиллерии, в том числе пушка Урбана. Остальные орудия были расставлены вправо до Мраморного моря и влево до Золотого Рога по батареям, числом 14. Таким же порядком расположились и войска, огибая эту стену. Император имел под ружьем всего 5.000 защитников; надежды на помощь — никакой. Жители Галаты объявили, что они не будут норовить ни в ту сторону, ни в другую; однако после оказалось, что они помогали туркам. Надо прибавить, что, кроме сухопутных сил, у турок стояло на море против Цареграда до 400 судов, хотя собственно военных галер было только 18.

Когда император увидел свое беспомощное положение, он

*) Смотри план Византии.

приказал задержать торговые корабли, которые тогда находились в столице; всех мастеров зачислили в службу. В то же время подплыл из Генуи на двух кораблях храбрый рыцарь Иоанн Джустиниани. Он привез с собою множество машин и других военных снарядов. Император так ему обрадовался, что поручил начальство над особым отрядом, с титулом губернатора, и, кроме того, обещал подарить ему остров, если удастся отстоять столицу. Всех наемников набралось 2 тысячи. Как Магомету было трудно вместить свою многочисленную армию на тесном пространстве между Золотым Рогом и морем, так же трудно было императору растянуть свои малые силы по городским стенам, до 60 верст кругом, с 28-ю воротами. Вся эта длинная линия была разделена на части, от одних ворот до других, и начальство над частями было вверено самым опытным вождям. Так, против Романовских ворот стал Джустиниани с тремя сотнями итальянских стрелков; на правой руке у него защищали стену храбрые братья Троилли, Павел и Антон, а на левой — до замка Семи Башен — генуэзец Мануэль с 200 лучников; адмирал Лука Нотарес начальствовал по стене против Золотого Рога, где плавали 15 греческих кораблей, защищенных перекинутою с одного берега на другой железной цепью. Внутри города, у церкви Св. Апостолов, поставили из 700 человек резерв, который мог бы поспевать всюду, куда потребуется помощь. — В самом начале осады было положено на военном совете, чтобы свои малые силы беречь как можно больше, вылазок не делать, а стараться вредить неприятелю из-за стен. В ту пору и придумали картечь; клали в коробку по 5 и по 10 пуль, величиною в волошский орех, чем, разумеется, причиняли больше вреда.

Первые две недели осады шла безостановочная стрельба по городским стенам; она не прекращалась ни днем, ни ночью. Магомет рассчитывал, что противники скоро утомятся и сдадут город, что дело не дойдет до приступа. Однако городские стены не подавались нисколько; было лишь выжжено несколько загород-

ных дворцов и домов; пушку Урбана, на которую так надеялся султан, разорвало на куски, причем был убит сам мастер и множество народа. Султан приказал отлить другую. Пальба продолжалась и вторую половину апреля, пока туркам не удалось сделать несколько проломов. Только тут они были не причем: им помогал венгерский посланник, хотя греки и венгерцы находились в мире. По совету венгерца, турки перестали раскидывать выстрелы, а били постоянно по трем точкам, образующим треугольник и одна от другой на расстоянии сажени. Башня у Романовских ворот обвалилась, образовался пролом, противники стояли теперь лицом друг к другу. Константин уже думал, что все кончено, и отправил к султану послов просить мира. На это он получил такой ответ: «Мне нельзя отступить: я овладею городом, или вы меня возьмете живого или мертвого. Уступи мне столицу, а я дам тебе особое владение в Пелопонесе, твоим братьям назначу другие области, и будем мы друзьями. Если же меня не впустите добровольно, я войду силой; предам смерти тебя и твоих вельмож, а все прочее отдам на разграбление». — Император не согласился мириться на таких условиях, и турки ринулись к пролomu. Однако здесь их задержал, глубокий и наполненный водой ров. Султан приказал засыпать его в разных местах. Солдаты тащили в ров землю, камни, деревья, кидали свои палатки, домашний скarb, а некоторые, в слепой ревности, валили туда же своих слабосильных товарищей; несчастные задохались под горами земли и мусора. Целый день прошел в этой работе; к вечеру все было готово. Утром турки, готовясь на приступ, увидели, что рвы опять очищены: работа пропала даром. — Пристыженный султан приказал тогда делать подкоп, но и тут потерпел неудачу; подкоп вели на глаз, и славный защитник Харсийских ворот Иоанн Немецкий, сам подкопавшись под их мину, подорвал ее греческим огнем. Много неверных погибло при этом взрыве. Когда старожилы сказали султану, что цареградские стены сложены на гранитном грунте, он приказал

бросить подкопы. К романовским воротам подвезли высокую деревянную башню, сажень 30 высоты, обитую с трех сторон железом. Ров был засыпан вторично, и с башни открылся убийственный огонь. С наступлением ночи, турки, по своему обычаю, ушли в лагерь. В самую полночь Джустиниани, вместе с императором, сделали вылазку, опять вычистили ров, а башню подожгли. С третьими петухами турки бросились на приступ — опять неудача. Султан пришел в неописанный гнев: «Если бы 30 тысяч пророков предсказали мне, что неверные успеют сделать это в одну ночь, я и тогда не поверил бы!»—воскликнул Магомет.

На море также не везло туркам. Еще при начале осады подошли 4 христианских корабля с хлебом, с острова Сицилии. Перед входом в Золотой Рог их встретили 150 турецких судов. Христиане думали пролететь на всех парусах, но, к несчастью, ветер вдруг стих. Сначала турки дали залп из всех орудий, потом пустили такую тучу стрел, что не видали своих весел. Ни залпы, ни стрелы не причинили вреда. Тогда турки кинулись на abordаж. Первый встретился им греческий корабль. Храбрый капитан этого корабля не только заставил турок отступить, но еще сам овладел двумя галерами. Султан смотрел на битву с высокого берега. Видя неудачи, он пришпорил коня и кинулся в море. Турки поняли, что это значит: они двинули суда вперед, но потерпели еще больший урон. Они потеряли в этой битве около 12 тыс. человек. Наступила ночь: сражение прекратилось само собой. Греки подали знак, чтобы подняли цепи, и вошли в Золотой Рог, не потерявши ни единого человека. Султан приказал позвать к себе начальника эскадры. Это был потуречившийся болгарин, по имени Палда. Четыре султанских стражника сорвали с него одежду, и султан собственноручно отсыпал ему сто ударов своим золотым жезлом. В начале мая султан уже видел, что взять столицу не так легко, как он думал. Его изобретательный ум долго работал и остановился вот на чем: переташить турецкий флот в се-

редину столицы, в Золотой Рог, и таким образом вести осаду с двух сторон. До сих пор осада велась только с поля, отчего греки со своими малыми силами могли защищаться так упорно. Другое дело, если им придется защищать не одну, а две стены. Так как Золотой Рог был огражден цепями и с этой стороны корабли не могли войти, то Магомет задумал спустить их с другого конца; от того места, где стояла эскадра, и до ближайшего пункта было верст 8, мимо городских предместий. Магомет приказал на этом пути выровнять дорогу, сделать деревянную настилку, а сверху положить рельсы и вымазать их жиром. Все это было сделано ночью, в несколько часов. На рельсы поставили суда, и целый флот, с распущенными парусами, потянулся с музыкой, с песнями. Рано утром в городской черте плавало 80 неприятельских судов. По причине мелководья, султан велел устроить плавучую батарею, которая могла подходить к самой стене. С этого времени положение столицы стало безнадежным. Еще более ухудшало защиту то, что в казне не было денег, а между защитниками не было единодушия. Чтобы достать денег, император приказал забрать церковную утварь и все драгоценности; все это пошло на монету. Он дал обещание, что если Господь поможет сохранить город, то все взятое будет возвращено сполна. Гораздо труднее было мирить греков и латинцев; они друг другу завидовали, часто ссорились, в виду неприятеля, оставляли свои места. Император умолял их забыть свои обиды ради самого Бога и ради своей бедной родины. Но его просьбы не всегда помогали, и часто дело доходило до измены. Однажды, на военном совете, было решено уничтожить турецкий флот, и поручили это дело венецианцу Якову Коку. Греки приготовили три баркаса, посадили 40 чел. отборных воинов, и ночью, потихоньку, отчалили от берега. Турки встретили их жестоким огнем: один баркас потонул, два других попали в плен. Греки же сожгли только один корабль — явно, что турки знали заранее о нападении. Другая попытка также не удалась. Джустиниани отправил ночью ко-

рабль, наполненный разными машинам и зажигательным составом. Турки его потопили; 150 лучших матросов погибло. На этот раз предупредили султана из Галаты.

Бомбардирование столицы шло своим чередом. Но грекам уже наскучило вечно стоять на стенах и чинить проломы. Они стали жаловаться, что им нечего есть, самовольно бросали свои места, даже многие расходились по домам. Как только турки заметили, что стены опустели, сейчас же пошли на приступ. Император призвал всех на место, обещал раздать припасы, и приступ был отбит. Султан пришел в отчаяние, перестал уже надеяться, что возьмет город, и предложил императору, чтобы он сдал столицу добровольно, а сам забрал бы все свои богатства и поселился где ему угодно. Надо правду сказать, что такое предложение было еще выгодно для императора: стоит только припомнить, какими силами располагал султан и какими — он. Однако Константин послал ответ, достойный царей: «Сдать тебе город и не в моей власти, и не во власти моих подданных. Нам дозволено только одно: умирать по-прежнему, не щадя своей жизни!»

Долго недоумевал Магомет, что ему делать, подумывал даже уйти; наконец, вечером 24-го мая, отдал приказ приготовиться к последнему нападению в ночь с 28-го на 29-е мая. После этого он собрал диван, т. е. военный совет. Галиль-паша, главный советник султана, говорил на совете, что не сегодня — завтра подойдут с запада латинцы, а потому лучше заблаговременно убраться, чтобы не нажить себе беды. Султан хотя и знал, что этот самый Галиль-паша — первый друг и приятель грекам, однако слушал его речь охотно. Тогда стал говорить другой визирь, Соган-паша, злейший враг Галилия. «Разве ты не видишь, — сказал он султану, — как велико твое войско и как обильны военные снаряды? В древности Александр Македонский не имел и половины того, а покорил весь мир. Враги твои слабы, ничтожны; никогда они между собой не сговорятся. Не теряй, государь, надежды. Будь мужествен и храбр!» — Эта речь

пришлась султану еще более по вкусу. Он одушевился и повторил свой приказ. В ту же ночь Галиль-паша дал знать императору, чтобы он был настороже.

И греки, и турки готовились к смертельному бою. В ночь на 27-е число зажглись огни на всем протяжении турецкого лагеря; море горело огнями от Галаты до Скутари — везде, где стоял турецкий флот. Христиане думали сначала, что у турок пожар, с радостью взбегали на стены; но, увидевши пляски, услышавши песни, — поняли, чему радуются неверные. На другой день турки держали пост, потом собрались на общую молитву. — К вечеру армия султана заняла свои места. В правой колонне было 100 тыс. в левой — 50 тыс., в центре, против Романовских ворот, 10 тыс. янычар, под личным начальством Магомета; 100 тыс. конницы стояло в резерве, а флот расположился двумя эскадрами: одна в Золотом Роге, другая — в проливе. После ужина султан объезжал все войско: «Конечно, — говорил он, — многие из вас падут в битве, но помните слова пророка: кто умрет на войне, тот будет вместе с ним принимать яства и пития. Тем же, которые останутся живыми, я обещаю двойное жалованье до конца жизни и на три дня отдаю в их власть столицу: пусть берут золото, серебро, одежды и женщин — все это ваше!» — Солдаты восторженно кричали: «Аллах! Аллах! Мехмет рессуль Аллах!» В Цареграде епископы, монахи и священники ходили вокруг стен с крестным ходом, с дарами и со слезами пели: «Господи, помилуй!» При встречах все целовались, просили друг друга храбро сражаться за веру и отечество. Император расставлял войска: 3 тыс. поставил у Романовских ворот, где начальствовал Джустиниани, 500 воинов — между стеной и Золотым Рогом, во Влахерне, 500 стрелков рассыпал на береговой линии и поместил небольшие караулы в башнях. Затем у него не оставалось ничего: на одного христианина приходилось до 500 турок. Но и в этой малой горсти защитников не было согласия; особенно ненавидели друг друга два главных вождя: Джустиниани и адмирал Лука

Нотара. Они поссорились даже перед приступом. Когда все было готово, Константин собрал защитников и сказал.: «Военачальники, правители, товарищи и вы, верные сограждане! Четыре священные имени да будут вам дороже всего, дороже самой жизни, а главное: вера, отечество, император — помазанник Божий и, наконец, ваши дома, ваши друзья и родные. Во время битвы закрывайте голову щитом; в правой руке держите всегда меч наготове. Шишаки, латы и железные рубашки дают нам надежную защиту. У неприятеля их нет; он к ним непривычен. Еще не забывайте, что вы будете стоять за стеною, а он открыт. Потому, друзья, не отчаивайтесь и помните, что не всегда побеждает тот, у кого больше силы». Обратясь к венецианам, император сказал. «Этот город был и вашим городом. Оставайтесь же и в это трудное время верными союзниками и братьями». То же сказал Константин и гегуэцам. Потом он обратился ко всем вместе с такими словами: «В ваши руки передаю мой скипетр, — вот он! Сохраняйте его! На небе вас ждет лучезарная корона, а здесь, на земле, останется о вас славная и вечная память!» — Когда император сказал это, раздался единодушный крик: «Умрем за веру и отчизну!» — Греки почувствовали львиную силу; они помышляли теперь уже не о детях, женах или имуществе, но о той славной смерти, которую готовились принять. Император отправился во храм Св. Софии и, после усердной молитвы, приобщился Св. Тайн. За ним пошли многие другие, и так продолжалось всю ночь. Из церкви император поехал во дворец, где собрались самые близкие ему люди. Когда он попросил у них прощения, послышался тихий плач, раздалось громкие рыдания. Отсюда император поехал верхом вдоль городских стен осматривать стражу. Все ворота были заперты. Когда он подъехал к Харсийским воротам, пропели первые петухи. Император взшел на башню и услышал под ней шум, голоса: это были турки. Они готовились на приступ. Пропел второй петух, и турки, без всякого сигнала, бросились в ров, потом полезли на стены. — Для Ца-

реграда, вековой столицы восточных христиан, настала последняя минута.

Магомет послал вперед новобранцев с тем, чтобы они утомили осажденных. Но греки их отбили и даже захватили несколько осадных машин. С рассветом двинулись все силы. Заиграли трубы и рожки, огласили воздух тимпаны; со всех батарей и судов открылась пальба. Приступ продолжался два часа, и христиане видимо одерживали верх: уже корабли отодвинулись от берега, уже пехота стала отступать для отдыха. Но сзади стояли янычары. Своими длинными ятаганом они рубили беглецов и гнали их снова на приступ. Турки злобно полезли на стены, становились друг другу на плечи, цеплялись за камни — греки не только их отбили, но сделали еще вылазку. Император громко объявил победу. Между тем одна из стрел, пущенных наудачу, ранила Джустиниани в ногу. Он ничего не сказал, никому не поручил свой пост и ушел на перевязку. Удаление начальника в такую важную минуту смутило подчиненных. К нему бросился сам император: Джустиниани, ничего не слушая, сел на лодку и переехал в Галату. Янычары тотчас заметили, что на стене сумятица. Один рослый янычар, по имени Гассан, поднял над головою щит и, размахивая ятаганом, с 30-ю товарищами бросился к стене. Греки встретили их камнями и стрелами: половину храбрецов истребили, но Гассан все-таки взшел на стену. Новые толпы янычар удержали это место за собой и успели выкинуть на башне свое знамя. Император с Феофилом Палеологом и Францем Толедой бросился к Романовским воротам, чтобы удерживать здесь турок, но прочие вожди побросали свои места, спасаясь, кто куда мог; критские стрелки сели на корабли и отплыли от берега. Многие ворота остались совсем без защиты; турки свободно врывались толпами. Узнавши об этом, император, увидел, что все потеряно. С отчаянием в душе он искал лишь смерти. «Неужели не осталось ни одного христианина, который бы отрубил мне голову?» — спрашивал он, кидаясь во все стороны.

Это были его последние слова. В ту же минуту ему нанесли два смертельных удара, и он пал на кучу трупов, неузнанный врагами. Это было около 6 ч. утра. — Штурм кончился, началось кровопролитие на улицах, грабеж имущества, убийства женщин и детей.

Все, кто только мог, бросились в храм Св. Софии. У христиан хранилось сказание, что в случае, если турки возьмут Цареград, то с неба сойдет Ангел Божий, подаст меч, одному хилому и бедному человеку и скажет: «Возьми этот меч и защити Божий народ!» — Но турки, ворвавшись в храм, беспрепятственно перевязали всех до единого: госпожу вязали со служанкой, раба — с его господином, архимандрита приковали к службе. Кто сопротивлялся, того били без всякой пощады. Навязавши пленников, турок отводил их в скрытое место, возвращался снова и принимался за ту же работу. — На берегу Золотого Рога было то же самое: турки крутили назад руки и тащили христиан; старцев убивали на месте, младенцев кидали в воду. Напрасно женщины протягивали с воплем руки, умоляя моряков взять их на суда: моряки старались укрыться в поспешном бегстве. Спасения не было; никто не мог уйти от ярости солдат.

К полудню весь Цареград был в руках турок. Жителей вывели за городские стены и, как стадо баранов, загнали между рогаток. Царственный город был страшен; во многих местах не видно было земли под множеством трупов; раздавались крики матерей и девиц. Турки все еще таскали их за косы из церквей. У церковных дверей они топтали ногами священные дары, сосуды, образа; в других местах образа служили вместо столов. Лошади стояли, прикрытые священными одеждами, а всадники бражничали в алтарях, сидя на поруганных престолах. Не было ни одного места, которое оставалось не ограбленным не было ни одной святыни, не поруганной этими злейшими врагами христианства.

В полдень убийства прекратились. Султан, окруженный вель-

можами, телохранителями, въехал торжественно в город. У врат Св. Софии он сошел с коня и, вступивши в храм, остановился в изумлении, очарованный этим чудом христианского мира. В это самое время грабитель-турок ломал мрамор-

Въезд Магомета в столицу.

ный пол. — «Зачем ты это делаешь?» спросил султан. — «Из ревности к вере!» отвечал солдат. Магомет свалил его на землю ударом меча: «Негодяй! Я позволил вам брать пленных и сокровища, а здания мои!» — Султан подозвал старшего муллу и приказал ему прочесть на амвоне обычную молитву: с этой минуты христианский храм превратился в мусульманскую мечеть.

Когда к султану привели адмирала Луку Нотара, он первым делом спросил у него: «Где император?» — Никто не знал, что случилось с последним государем Греческой Империи. Одни говорили, что он убежал; другие уверяли, что они сами его убили; последние надеялись получить награду. Однако султан никому не поверил и приказал разыскать труп императора. Долго искали, отмывая головы, чтобы узнать по лицу, но нашли только туловище, которое узнали по императорским поножьям — с золотыми орлами. Магомет очень обрадовался и приказал отдать его христианам для подобающего императорскому сану погребения.

На третий день султан праздновал победу. Был издан указ, чтобы все знатные и бедные, которые до сих пор укрывались в потаенных местах, вышли на свободу и были покойны, — что их никто не тронет; чтобы все те, которые оставили город во время осады, возвратились в свои дома, в надежде сохранить свою веру, свое имущество. Потом султан приказал избрать патриарха по старинным церковным постановлениям. Первым патриархом под турецким игом избран Геннадий, защитник православных, отъявленный враг латинцев. Магомет хотел во всем подражать христианским императорам. Он пригласил патриарха к своему столу и много рассуждал с ним о делах церкви. Когда пришло время удалиться патриарху, султан поднес ему драгоценный подарок. У дворца была приготовлена лошадь, в полном уборе, как бывало прежде, и султан, посадивши при себе патриарха, приказал его провожать своим главным сановникам. Они шли вперед его, по бокам и сзади до храма Апостолов. Этот храм оставлен навсегда за цареградскими патриархами. — А вскоре после этого был обнародован султанский фирман, в котором повелевалось не применять, не оскорблять патриарха; ему и всем христианским епископам жить без всякой опаски, не платить в казну никаких налогов и податей. — Так поступали турки в начале своего владычества; после, когда заручились дружбой латинцев, они стали поступать иначе.